

Департамент вооруженных сил Межзвездной Федерации

На тренировочном плацу вповалку лежали израненные, покрытые ссадинами и синяками курсанты военной академии.

На трибуне перед ними стояли несколько офицеров в темно-синей парадной форме. Кто-то небрежно переговаривался, кто-то курил; время от времени их взгляды лениво скользили по распростертым внизу юношам, словно те были неодушевленными манекенами, не заслуживающими ни малейшего сочувствия.

Когда стоны и хрипы немного утихли, офицер, стоявший в самом центре, неторопливо спустился с трибуны. За ним безмолвными тенями последовали двое подчиненных с портативными регистраторами в руках — оба двигались бесшумно, точно ходячие мертвецы.

Его мундир был гораздо темнее, чем у остальных, почти угольно-черным.

Самый высокий из троих, он безупречно держал осанку. Высокие черные армейские сапоги плотно облегали длинные, идеально прямые ноги, а широкий кожаный ремень с легким гляцевым отливом выгодно подчеркивал узкую, подтянутую талию. Плечи его казались высеченными из камня, а на серебристо-белых погонах холодным стальным блеском сияли знаки отличия.

На левом погоне красовались три золотые звезды, на правом — три ярко-синих круглых диска, символизирующих планеты. От этого великолепия слепило глаза.

Тяжелый армейский сапог опустился на землю в паре миллиметров от правого уха одного из растянувшихся на плацу курсантов.

— Ван Шань, не сдал, — небрежно произнес офицер. Его голос звучал хриловато, с легкой хрипотцой заядлого курильщика.

— Полковник Си, умоляю, дайте еще один шанс! — стиснув зубы от боли, Ван Шань с трудом перевернулся на бок и преданно уставился снизу вверх на своего легендарного кумира — Си Тина.

Стоящий за спиной Си Тина безмолвный адъютант без лишних слов пнул курсанта. От мощного удара Ван Шань отлетел на пару метров, а брызнувшая из разбитых губ кровь запачкала лицо лежащего рядом сокурсника.

— Для тебя он — господин полковник, — ледяным тоном процедил подчиненный.

В регулярных войсках Федерации серебристо-белые погоны носили старшие офицеры. Три золотые звезды на таком погоне соответствовали званию полковника.

Они оба учились в Военной академии Федерации — этой колыбели элитных межзвездных кадров. И пока без пяти минут выпускник Ван Шань разбивал себе лоб в кровь ради призрачного шанса попасть в тройку лучших подразделений, его старший сокурсник Си Тин, окончивший академию лишь в этом году, уже носил звание полковника и лично руководил жестким отбором в гвардейское ядро армии.

Си Тин опустил взгляд и бесстрастно посмотрел на распростертого курсанта.

Этот статный, безупречно застегнутый офицер выглядел неприступным, как ледяной пик, хотя всего пару минут назад небрежно курил в коридорах министерства. Чуть прищурившись, он смотрел на курсанта с той самой ленивой, жестокой усмешкой, которую Ван Шань так хорошо помнил по академии.

Ван Шань обреченно вздохнул, перевернулся обратно на спину и распластался на земле безвольной тушкой, словно выброшенная на берег рыба.

Разница между простыми смертными и истинными гениями порой казалась столь велика, что не поддавалась никакому сравнению.

Возможно, обыватели думали, что стремительным взлетом по службе Си Тин обязан влиянию своего клана.

Семья Си принадлежала к древней военной аристократии: их род подарил Федерации двенадцать генералов армии и четырех маршалов.

Но знающие люди понимали: этого истинного монстра семья, напротив, изо всех сил сдерживала в званиях, искусственно занижая его ранги.

Три синие планеты на его правом погоне говорили сами за себя.

В армии Федерации левое плечо предназначалось для знаков воинского звания, а правое — для боевых заслуг. Каждая планета означала, что офицер лично заслужил орден Первой степени в конфликте планетарного масштаба.

Даже среди высшего генералитета Федерации мало кто мог похвастаться тремя такими наградами на правом плече.

Во время учебы в академии любой безумец, не боявшийся смерти, мог отправиться на фронт уже со второго курса. Но Си Тин умудрился заслужить свой первый планетарный орден еще до поступления, сражаясь бок о бок со старшим поколением семьи!

Сделав пометку в планшете, Си Тин шагнул дальше и остановился возле следующего бедолаги.

— Ли Ипин, не сдал.

Атмосфера на плацу становилась все более удручающей и мрачной.

Озвучив более сотни сокрушительных «не сдал», Си Тин вышел на середину площадки и с сухим стуком захлопнул планшет. Его взгляд так и веял стужей, а губы скривились в ледяной усмешке.

— Свободны. Живо в академию, отрабатывать нормативы, пока легкие не выплюнете.

Израненные курсанты с трудом поднялись на ноги, покорно поклонились и, кривясь от боли, поплелись в сторону ворот, на ходу пытаясь выстроиться в подобие колонны.

Огромный плац мгновенно опустел, и резкий запах свежей крови начал понемногу рассеиваться.

Си Тин лениво прокрутил планшет в пальцах, закрепил его на поясном ремне и, сунув свободную руку в карман брюк, направился к выходу. На лениво зевающих на трибуне экзаменаторов он даже не взглянул.

Навстречу ему шла девушка из службы тылового обеспечения, с трудом тащившая массивный металлический контейнер.

— Полковник Си, вам посылка. Личная доставка, под грифом секретности, — тяжело выдохнув, девушка смущенно коснулась своих покрасневших щек.

Юная и очаровательная, она казалась экзотическим цветком в этом суровом мире армейской муштры и жестокости. Ее длинные ресницы трепетали, а робкие, полные немного обожания взгляды так часто возвращались к лицу Си Тина, что их истинный смысл понял бы даже слепец.

— Спасибо, — бесстрастно отозвался Си Тин, забирая контейнер. — И еще: посторонним вход на тренировочный плац строго воспрещен. Ступай на гауптвахту, получи свое взыскание за нарушение устава.

Стоящие за его спиной адъютанты с каменными лицами едва заметно вздрогнули — их маски безразличия дали трещину.

Девушка мгновенно перестала кокетливо хлопать ресницами, а румянец на ее лице сменился мертвенной бледностью.

Си Тин поднес оптический компьютер к сканеру на коробке. Раздался негромкий писк.

Вытащив левую руку из кармана, он без малейших усилий подхватил тяжелый контейнер и зашагал прочь.

Отправитель зашифрованной посылки не раскрывался третьим лицам, но на экране оптического компьютера Си Тина высветилась точка отправления: планета Биша.

Та самая Биша, от которой у всего руководства Федерации уже много лет раскалывалась голова.

В душе Си Тина зашевелилось любопытство.

Вернувшись в свои апартаменты, Си Тин сразу же вскрыл защитную обшивку. На крышке внутреннего контейнера была небрежно наклеена карточка с размашистой, написанной на скорую руку строчкой.

«Позаботься о моем сыне!

Твой брат Си Хай»

Си Тин только покачал головой.

Он озадаченно уставился на контейнер.

На мгновение ему всерьез показалось, что внутри находится портативная медицинская капсула с живым младенцем.

Но здравый смысл возобладал: когда бы Си Хай успел обзавестись потомством?

Старший брат, профессор Си Хай, недавно разменял шестой десяток. Для обитателей Межзвездной Федерации, чья средняя продолжительность жизни перевалила за двести лет, возраст этот считался золотым расцветом сил, но Си Хай за всю свою жизнь не завел ни единого романа.

Благодаря исключительной генетике, практически все мужчины в семье Си связывали жизнь с армией. Единственным исключением стал именно старший брат.

Си Хай был настоящим фанатиком от науки. Одержимый исследованиями пространства и времени, он мог по году не выходить из лаборатории, поддерживая силы исключительно внутривенным введением концентрированных питательных смесей.

Устав от бесконечных поучений родственников, требовавших, чтобы он надел мундир, Си Хай сбежал на какую-то богом забытую окраину вселенной, оборвав все контакты с семьей. Это так подкосило их родителей, что они в весьма почтенном возрасте — шестидесяти пяти лет — решились на отчаянный шаг и завели второго ребенка. Так на свет появился Си Тин.

За всю свою жизнь Си Тин видел старшего брата от силы пару раз, а теперь ему предлагалось нянчить его «наследника».

Впрочем, полковник прекрасно понимал, что под «сыном» безумный ученый имел в виду нечто весьма далекое от привычного понимания.

Отложив записку, Си Тин нахмурился и без лишних раздумий сорвал пломбу со следующего защитного слоя.

Под крышкой оказалась еще одна коробка. Под ней — еще одна. И еще одна.

Си Тин только вздохнул.

Тот, кто упаковывал посылку, явно хотел подчеркнуть невероятную ценность содержимого. Что ж, этот нехитрый трюк сработал.

Сохраняя ледяное спокойствие, полковник вскрыл ровно десять слоев титанового пластика, пока наконец не добрался до сути.

На дне лежал миниатюрный прибор непонятного назначения и сверкающая микросхема.

Попытка связаться с Си Хаем через оптический компьютер ни к чему не привела — система выдала лаконичное «абонент не существует в сети».

Нахмурившись, Си Тин покрутил в руках чип и вставил его в резервный оптический компьютер, не содержащий секретных армейских баз данных.

Программа запустилась мгновенно. На экране развернулся сложный алгоритм игровой симуляции.

Голографическая игра «Голубая планета» загрузилась автоматически.

Си Тин уже поднялся, намереваясь отключить терминал, но в этот момент экран вспыхнул мягким светом. На фоне старинного интерьера сидел ребенок лет шести-семи и молча смотрел прямо на него.

Малыш совершенно не походил на представителей нового человечества Межзвездной Федерации — тех, чьи тела в процессе эволюции стали невероятно выносливыми, плотными и приспособленными к любым перегрузкам. Этот ребенок казался воплощением хрупкости: бледная, почти прозрачная кожа, длинные пушистые ресницы и невероятно чистые, спокойные глаза.

Судя по всему, именно это создание Си Хай и назвал своим сыном.

Неужели великий ученый создал симуляцию и усыновил виртуального персонажа?

Но интуиция подсказывала Си Тину: здесь кроется нечто большее.

Сколько бы родственники ни ворчали на несносный характер Си Хая, он оставался гением, чье имя гремело по всей галактике. В научных кругах его почитали как полубога.

Да, графика и детализация персонажа поражали реалистичностью, но при наличии неограниченных ресурсов любой крупный игровой концерн Федерации мог бы воссоздать подобное. Си Хай никогда бы не стал тратить драгоценное время на банальную игрушку, а уж тем более пересылать ее младшему брату с такими предосторожностями.

Между тем мальчик на экране скользнул по нему быстрым взглядом и снова уткнулся в раскрытую книгу.

Ребенок сидел у окна за массивным, потемневшим от времени деревянным столом. Рядом лежали старинные свитки, стоял каменный чернильный камень с кистью, а тусклый огонек масляной лампы разгонял густые тени, очерчивая уютный круг света.

Фитиль едва теплился, но из открытого окна лился прохладный серебристый свет полной луны, заливая скромную комнату.

Лунные лучи мягко очерчивали силуэт тонких плеч и ложились серебряной каймой на шелковистые черные волосы. Огонек лампы подрагивал от легкого дуновения ночного ветра, отбрасывая пляшущие блики на его лицо и ресницы.

На бледной щеке ребенка смешивались холодный лунный свет и теплое сияние пламени. Кожа была настолько тонкой и нежной, что сквозь нее просвечивали крошечные синеватые венки.

Си Тин впервые видел человека с настолько прозрачной кожей.

Словно это хрупкое создание могло растаять от одного неосторожного прикосновения.

Он невольно потер подушечки пальцев.

Мальчик оторвался от чтения и вновь посмотрел прямо на экран.

Только тут Си Тин с удивлением осознал, что наблюдает за виртуальным ребенком уже добрых двадцать минут.

— Читай внимательно, не отвлекайся, — набрал он на клавиатуре.

Стоило словам превратиться в строчку текста на полупрозрачной панели, как малыш испуганно распахнул глаза. Смутившись, он тут же поспешно отвел взгляд и замер, усердно делая вид, что полностью поглощен чтением.

Си Тин усмехнулся и глубже откинулся на спинку эргономичного кресла.

Мальчик прижал крошечным тонким пальчиком страницу, которую пытался перевернуть ночной сквозняк. Его рука была такой миниатюрной, что подушечка указательного пальца едва закрывала один иероглиф.

Справившись с секундным замешательством, ребенок быстро успокоился и вновь погрузился в чтение — сосредоточенно, тихо и на удивление послушно.

"А он совсем не похож на тех невыносимых, избалованных детей"

Наблюдать за ним было на удивление приятно.

Даже дурацкая просьба старшего брата уже не казалась такой обузой.

Си Тин вернулся к служебным отчетам, оставив окно симуляции открытым. Прошло довольно много времени, когда тишину кабинета нарушил тихий, невероятно нежный детский голосок, в котором еще звенели мягкие, певучие нотки:

— Мне пора ложиться спать.

Си Тин на мгновение отвлекся от документов.

Взглянув на часы, он обнаружил, что проработал больше двух часов.

Мальчик уже аккуратно привел в порядок рабочий стол, спустился со стула и стоял рядом, терпеливо ожидая ответа.

Проснувшийся щенок, спавший до этого на коврикe, поднялся на задние лапы и преданно прижался к ноге хозяина. Две пары блестящих, влажных глаз уставились на экран в ожидании

реакции.

Размяв затекшую шею, Си Тин ввел короткий ответ:

— Хорошо.

Но странная парочка не двигалась с места. Мальчик смущенно прикусил нижнюю губу, а кончики его ушей окрасились нежным румянцем.

Си Тин на секунду замешкался, а затем догадался свернуть окно симулятора.

Когда на сияющей глади небесного свитка возникла надпись: [Читай внимательно, не отвлекайся], Юй Нин поспешно отвел взгляд. Он изо всех сил всматривался в строчки, но буквы расплывались перед глазами — сосредоточиться на тексте никак не получалось.

Четыре простых слова отозвались в его сердце щемящей теплотой. Мальчик вдруг понял, что никто прежде не обращался к нему с подобной заботой.

Это не было похоже на приказ. Скорее на мягкое напутствие, какое дают любящие старшие.

Он крепче сжал губы, прижал ладонью трепещущие на ветру страницы и заставил себя сосредоточиться на чтении.

Пламя лампы плясало под порывами сквозняка, а из темного угла доносился тонкий, едва уловимый аромат дикой орхидеи.

Ощущение, что он больше не один в этой глуши, принесло покой.

Когда последняя страница была дочитана, пробило время второй ночной стражи. Пора ложиться спать.

Но перед этим нужно умыться, переодеться...

Юй Нин робко покосился на небесный свиток. Наверное, следовало предупредить невидимого собеседника.

Стоило ему негромко произнести слова прощания, как на экране тут же высветилось лаконичное: [Хорошо].

Мальчик замялся, не зная, как вежливо попросить собеседника удалиться, но тот, словно угадав его замешательство, мгновенно убрал светящуюся панель.

Облегченно вздохнув, Юй Нин поспешил умыться, сбросил верхнее платье и юркнул под одеяло.

Едва его спина коснулась жестких, укрытых лишь тонкой циновкой досок, грудь сдавил привычный сухой кашель.

Когда приступ наконец утих, и сон начал мягко укутывать его разум, мальчик невольно подумал: вернется ли небесный свиток завтра?

Он и сам не знал, какого ответа желает больше всего.

Огромный императорский дворец давно вычеркнул его из памяти, и, по совести говоря, Юй Нин мечтал, чтобы так оставалось и впредь. Те немногие, кто вспоминал о Седьмом принце, несли с собой лишь обиды и боль — взять хотя бы Пятого принца, Юй Чао.

Ему хотелось лишь одного: спокойно вырасти в этом заброшенном уголке. Он умел ухаживать за огородом, любил читать. Жизнь в безвестности, без высочайшего внимания императора-отца и без верных друзей, казалась ему вполне сносной платой за покой.

Малыш перевернулся на бок, натянул потертое одеяло по самые уши и наконец крепко заснул.

Утром небесный свиток не отозвался на его пробуждение.

Юй Нин успел закончить утреннее чтение и позавтракать, но в воздухе так и не засияли знакомые письмена.

Он обошел все комнаты, постоял у письменного стола, где впервые явилось чудо, но все было тщетно.

Вздохнув, мальчик взял небольшое деревянное ведро и отправился в сад — поливать цветы и грядки.

Эта нехитрая работа давно вошла у него в привычку.

В заброшенном дворе они жили вдвоем с няней Линь. Старая женщина давно страдала от болей в суставах и почти ничего не слышала, поэтому еще с прошлого года Юй Нин полностью

освободил ее от домашних хлопот.

Он слишком сильно боялся остаться совсем один.

Солнце поднялось высоко, заливая двор ярким светом. Юй Нин задумчиво посмотрел на небо, решая, не пора ли вынести старые свитки на просушку, и в этот момент прямо перед его глазами соткалось знакомое сияние.

[Принцесса Биша: Малыш, мамочка пришла!]

[Принцесса Биша: Солнышко, ты ведь помнишь меня? Я самая первая заговорила с тобой!]

Юй Нин бросил быстрый взгляд на надпись и тут же с самым серьезным видом уставился на свои грядки.

— Помню, — негромко произнес он.

Помедлив, он снова скользнул взглядом по золотистым буквам. Его личико, залитое теплыми лучами утреннего солнца, выражало крайнее удивление.

— Значит... матушка на самом деле принцесса?

[Принцесса Биша: А-а-а, какой же он милашка!]

[Принцесса Биша: Мой хороший, ты что, смущаешься?]

[Принцесса Биша: Твоя мамочка — принцесса целой планеты Биша! Я невероятно крутая!]

"Планета Биша? Что это за место?..."

Юй Нин никогда не слышал такого странного названия, но виду не подал.

— Вовсе я не смущаюсь, — серьезно возразил он. — Я делом занят, цветы поливаю.

[Неужели это принцесса Ши Мэн? Подумать только, мы воспитываем малыша вместе с самой принцессой!]

[То-то я гадаю, почему система скрывает мое имя. Оказывается, я просто недостойн стоять рядом с королевской особой!]

[Доброе утро, малыш! Какие у тебя чудесные цветы во дворе.]

[И правда, невероятная красота! Я вообще впервые вижу живые цветы!]

[Но нашему ненаглядному крохе они и в подметки не годятся!]

[Полностью согласен! Наш малыш краше любого цветка!]

[Наш малыш...]

Юй Нин крепче перехватил ручку деревянного ведра, чувствуя, как уши предательски запылали пунцовым цветом.

Напустив на себя максимально строгий вид, он нахмурил брови и отчеканил:

— Что за дерзость. Прекратите немедленно.

<http://bllate.org/book/18427/1766160>